

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ,

в которой говорится о том, как страсти вносят сумятицу в чувства и мысли, и как от смятения духа человек попадает в руки дьявола

Стихи гласят:

Душе всегда потребно очищенье,
И страсти подлежат искорененью
Не дай, чтоб Будда с вышины упал!
Ведь только тот, кто чист и светел стал,
Способен обсуждать первоначало,
Чтоб Цаоси свободно протекала
Светильник жизни чистить не ленись
И мысль сосредоточивать учись,
И равномерным сохраняй дыхание —
Таким путем достигнешь созерцанья.

Это стихотворение называется «Нанькэ-цзи», оно повествует о том, как Танский монах избежал бедствия на покрытой льдом реке, Достигающей неба, и благополучно переправился на панцире белой Черепахи на другой берег. Здесь он и три его ученика вышли на большую дорогу и продолжали свой путь на Запад.

Стояла суровая зима, однако:

Тихо лес сияет,
Дымкою охвачен.
А хребет высокий,
Как вода, прозрачен.

Неожиданно перед путниками выросла огромная гора, которая преградила им дорогу. Узкая тропинка извивалась между кручами, уходя все выше и выше. Кругом громоздились груды камней, вздымались вверх опасные скалы и утесы. Идти становилось все труднее.

Натянув поводья, Трипитака остановил коня.

— Дети мои! — позвал он.

К нему тотчас же подошел Сунь У-кун, а за ним — Чжу Ба-цзе и Ша-сэнь.

— Что прикажете, учитель? — спросил Сунь У-кун.

— Посмотрите, какие высокие горы, — промолвил Трипитака — Боюсь, что здесь много диких зверей, всякой нечисти и оборотней, которые губят людей. Нам следует все время быть настороже.

— Успокойтесь и не тревожьте себя, учитель, — отвечал Сунь У-кун. — У нас, ваших учеников, — одна цель и одни стремления: мы встали на путь Истины и обладаем силой, умиряющей волшебников и покоряющей оборотней. Так что вам нечего бояться всякой нечисти.

Эти слова успокоили Трипитаку, и он двинулся дальше. Когда они достигли какой-то лощины, Трипитака въехал на утес и огляделся. Перед ним вздымались прекрасные горы.

Огромные горы вздымались —

Откосы, отвесы, твердыни

Огромные горы вздымались,

Взлетая к небесной сини

Небес бирюзу закрывали

Откосы, отвесы и кручи

Подобные спящим тиграм

Камней громоздились кучи

Сосновые ветки спускались,

Подобно летящим драконам,

Холодные мчались потоки

И птицы пели по склонам.

Рычали голодные тигры,

Цветы раскрывала слива,

Легко кружились снежинки,

И ветер выл у обрыва

С угрозою мчались тучи,
Воронья стая металась,
Искали олени пастбищ
Но следа к ним не осталось
Увы, в такую погоду
Продолжить путь невозможно:
И путник, нахмутив брови,
Чело прикрывает тревожно.

И вот четыре путника, несмотря на снег и холод, пронизывавший их до костей, перевалили вершину крутой горы и увидели вдаль, в одной из горных долин, высокие пагоды и строения, а вокруг них — чистые домики, разбросанные то тут, то там.

— Ученики мои! — радостно воскликнул Трипитака. — Сегодня мы изрядно померзли и проголодались. Но судьба посылает нам счастье: я вижу пагоды, строения и уютные жилища. Там, в долине, несомненно живут люди и очевидно есть буддийский монастырь. Мы сейчас же пойдем туда и попросим покормить нас. А как только подкрепимся и отдохнем, отправимся дальше.

Сунь У-кун стал пристально всматриваться вдаль и заметил, что над долиной, на которую указывал Трипитака, плавают темные зловещие облака и весь воздух словно насыщен злом.

— Учитель, — сказал он, обернувшись назад. — Это зловещее место.

— Но ведь там есть пагоды, павильоны, беседки, — возразил Трипитака. — Почему же оно зловещее?

— Да откуда вы знаете, учитель, — отвечал с улыбкой Сунь У-кун. — На дорогах Запада водятся разного рода оборотни и злые духи. Они очень искусно обманывают людей и могут не только превращать любые вещи в хижины и строения, но легко создают дворцы, пагоды и павильоны. Разве вы не знаете, что среди девяти видов драконов есть рогатый дракон. Этот дракон обладает способностью излучать особое сияние и если смотреть на него, то начинают мерещиться здания, дворцы или же мелкие пруды. Когда встречаются большие реки, этот мираж действует с особой силой. Птица, например, непременно останавливается и не может лететь. И что бы вы ни предпринимали, это чудовище все равно моментально проглотит вас. Это очень таинственное и самое опасное для человека существо. А место, которое вы видите, — зловещее, и нам ни в коем случае нельзя идти туда.

— Но ведь мы можем погибнуть с голоду, — возразил Трипитака.

— Если вы действительно так голодны, учитель, сойдите с коня и посидите где-нибудь в укромном месте, — предложил Сунь У-кун. — Я раздобуду пищу, и вы сможете подкрепиться.

Трипитака последовал совету своего ученика и спешил; Чжу Ба-цзе взял коня за повод, а Ша-сэн опустил носилки, развязал узел и, вытащив чашу для сбора подаяний, передал ее Сунь У-куну. Принимая чашу, Сунь У-кун сказал Ша-сэну:

— Дорогой брат! Оставайтесь тут и хорошенько охраняйте нашего учителя, а я отправлюсь за подаянием. Как только вернусь, мы снова тронемся в путь, на Запад.

Ша-сэн обещал в точности выполнить указание. Тогда Сунь У-кун обратился к Трипитаке.

— Учитель, — молвил он. — Долина, которую мы видим, непредвещает ничего хорошего, она грозит бедой. Ни в коем случае не двигайтесь с места, пока я буду ходить за подаянием.

— Ну, об этом можешь не говорить, — отвечал Трипитака. — Только смотри возвращайся быстрее. Я буду ждать тебя здесь.

Сунь У-кун совсем уж было собрался уйти, но снова вернулся и подошел к Трипитаке.

— Учитель, — сказал он, — я знаю, что человек вы не очень усидчивый и вот ради вашей безопасности решил применить средство, оберегающее вас.

С этими словами он взял свой посох с золотыми кольцами и, взмахнув им несколько раз, начертил на земле круг. Затем он велел Трипитаке занять место в середине, а Чжу Ба-цзе и Ша-сэну встать рядом с учителем и охранять его. Коня и вещи он приказал поместить тоже в кругу. Затем он сложил ладони рук и произнес, обращаясь к Трипитаке:

— Круг, который я начертил, все равно, что бронзовая или железная стена. Ни хищный зверь, ни злой дух или оборотень не сможет приблизиться к вам. Но вы не должны выходить за пределы этого круга. Если будете сидеть спокойно, ничего с вами не случится. Но стоит выйти из круга, — и с вами непременно произойдет беда. Смотрите же, твердо помните, что я сказал. А теперь желаю вам всяческого счастья!

Трипитака обещал выполнить все, что велел Сунь У-кун, и вместе с обоими учениками разместился в середине круга. А Сунь У-кун, вскочив на облако, отправился в селения собирать подаяние. Он летел к югу и вдруг увидел дремучий лес с вздымающимися к самому небу старыми деревьями.

Оказалось, что это селение. Сунь У-кун опустился на землю и стал пристально осматриваться кругом. И что же он увидел:

Реденький бамбук под ветром гнется,

И квадратный замерзает пруд
Снег присыпал густо ветви ивы;
Рядом сосны пышные растут.
И солома этих бедных кровель,
Хвоя горделивая сосны —
В тонком серебре, — наполовину
Белым снегом запорошены.
Вдоль оград уже цветут нарциссы,
С крыш сосульки льдистые висят,
И хотя свистит холодный ветер,
Но несет он дивный аромат
Все кругом еще покрыто снегом;
Догадаться не сумеешь ты,
Где благоухают зимней сливы
Лепестки раскрывшие цветы.

Сунь У-кун медленно двигался вперед, любуясь деревней. Вдруг он услышал скрип калитки плетеных ворот: на улицу вышел старик в ветхой буддийской рясе. В руках у него был посох из растения ли. На голове — меховая шапка из овчины. На ногах — туфли из камыша. Опираясь на посох, старик посмотрел на небо и сказал:

— Ветер подул с северо-запада, значит, завтра будет ясная погода.

Не успел он договорить, как из-под ног у него выскочила маленькая собачонка, которая, набросившись на Сунь У-куна, залилась звонким лаем. Тут только старик обернулся и увидел Сунь У-куна, а тот, держа чашку для сбора подаяний, обратился к старику со следующими словами:

— Милостивый благодетель! Я ученик Танского монаха, который по повелению китайского императора идет на Запад поклониться Будде и взять у него священные книги. И вот, когда мы очутились неподалеку от вашего драгоценного дома, моего учителя стал мучить голод. Поэтому-то я и пришел в ваш почтенный дом попросить подаяния.

Выслушав Сунь У-куна, старик только покачал головой и, отвесив поклон, опираясь на посох, сказал.

— Погодите, почтенный монах, говорить о подаении. Вы, верно, сбились с пути.

— Нет, мы не сбились с пути, — отвечал Сунь У-кун.

— Да ведь путь в Индию проходит далеко к северу, — продолжал старик. — Отсюда это не меньше тысячи ли. Почему же вы идете не там, где следует?

— Вы правы, — подтвердил Сунь У-кун, — путь в Индию лежит к северу отсюда. Мой учитель как раз и находится сейчас там и ожидает моего возвращения.

— Что за вздор ты несешь, монах, — удивился старик. — Как может твой учитель ждать тебя там? Ведь для того чтобы добраться оттуда к нам, то есть пройти расстояние в тысячу ли, даже очень хорошему ходоку потребуется не менее семи дней, да столько же, чтобы вернуться. За это время твой учитель может умереть с голоду.

— Не стану обманывать вас, милостивый благодетель, — отвечал улыбаясь Сунь У-кун, — я только что оставил своего учителя. Для того чтобы добраться сюда, мне потребовалось ровно столько времени, сколько нужно для того, чтобы выпить чашку горячего чая. Ну, а если я сейчас получу подаение, то успею вернуться к обеду.

— Да ты не монах, а черт или дух! — испуганно воскликнул старик и бросился бежать прочь.

— Куда вы, благодетель! — схватив его за руку, сказал Сунь У-кун. — Вы лучше подайте что-нибудь, только поскорее!

— Ничего я тебе не дам, ничего, — заявил старик. — Ты лучше обратись в другой дом!

— Ну как же так, благодетель, вы, верно, не понимаете, что говорите! Ведь вы сами сказали, что от того места, где находится мой учитель, до вас тысяча ли. Что же будет, если я пойду в другой дом? Это значит, что мне снова нужно будет проделать тысячу ли. В таком случае мой учитель действительно может умереть с голоду.

— Скажу вам правду, — промолвил тут старик, — семья у меня семь душ. Мы только что запустили в котел три шэна риса. Но рис еще не готов. Ты сходи-ка сперва в другие дома, а потом уж вернешься сюда.

— Еще в старину люди говорили: «Чем ходить по нескольким домам, лучше подождать в одном». Так вот я лучше подожду.

Подобная навязчивость разозлила старика, и он, взмахнув своим посохом, семь раз ударил Сунь У-куна по лысине. Однако Сунь У-кун не обратил на это никакого внимания, ощущая лишь легкий зуд.

— Да что за башка у этого монаха! — с удивлением воскликнул старик.

— Вот что, почтенный человек, — произнес со смехом Сунь У-кун. — Ты можешь колотить сколько тебе вздумается, но запомни, сколько раз ты меня ударил. За каждый удар с тебя причитается один шэн рису, а потому не торопись и считай как следует.

Старик был до того напуган, что даже бросил свой посох и с криком: «Черт! Черт!» — вбежал во двор и захлопнул ворота. Его крик напугал всех домочадцев, и они, дрожа от страха, поспешно бросились закрывать все входы и выходы.

Тут Сунь У-кун задумался.

«Этот старый мошенник сказал, что у них в доме варят сейчас рис, — размышлял он. — Но правда ли это — я не знаю. Недаром говорится: «Даосизм делает людей умными и честными и рассеивает все сомнения». Придется самому посмотреть, что там делается».

И вот наш чудесный Великий Мудрец произнес заклинание и, сделавшись невидимым, прошел прямо на кухню. Старик не соврал. Из котла валил пар и в нем действительно варилась каша. Тут Сунь У-кун, не долго думая, опустил чашку в котел и, наполнив ее до краев, взобрался на облако и пустился в обратный путь. Но говорить об этом подробно мы не будем.

Вернемся лучше к Трипитаке. Прождав довольно долго, он наклонился вперед и с досадой проговорил:

— И куда только могла отправиться эта обезьяна?

— Я нисколько не сомневаюсь в том, что она ушла куда-нибудь прогуляться, — с усмешкой заметил Чжу Ба-цзе — Разве уж тут до сбора подаяний? Просто ей захотелось запереть нас здесь.

— Что означают слова «запереть нас здесь»? — спросил Трипитака.

— Да разве вы, учитель, ничего не понимаете? — удивился Чжу Ба-цзе. — В древнее время начертить круг означало посадить человека в тюрьму. Неужели вы думаете, что круг, который начертил Сунь У-кун, действительно является железной стеной и может защитить нас от хищных зверей. Да они сожрут нас — и все.

— Что же ты предлагаешь, Чжу Ба-цзе? — спросил Трипитака.

— Я считаю, что здесь мы не защищены ни от ветра, ни от холода, и нам следует двигаться вперед, на Запад. Если Сунь У-кун вернется с подаянием, то на своем облаке сможет быстро нагнать нас. Тогда вы подкрепитесь, и мы отправимся дальше. От этого сиденья у меня уже нога закованна.

Слова Чжу Ба-цзе принесли несчастье Трипитаке. Он послушал Чжу Ба-цзе, и они все вышли из круга. Чжу Ба-цзе вел под уздцы коня, Ша-сэн нес коромысло с вещами, а Трипитака шел следом за ними. Вскоре они подошли к высокому зданию, которое было расположено фасадом на юг, а другой стороной — на север. Оно было окружено белыми стенами, расположенными в виде висящих усов. Все оно было раскрашено в разные цвета. Над воротами была арка в виде опрокинутого лотоса. Подойдя к воротам, Чжу Ба-цзе привязал коня к каменному столбу. Ша-сэн опустил на землю свою ношу, а Трипитака, который очень боялся ветра, присел на порог.

— Учитель, — обратился к нему Чжу Ба-цзе, — я думаю, что это строение принадлежит какому-нибудь сановнику. Люди, которые здесь живут, верно, занимаются благотворительными делами. За воротами никого не видно. Они все, конечно, сидят в помещении и греются около огня. Вы побудьте здесь, а я схожу посмотрю, что там делается.

— Смотри, будь осторожен, — напутствовал его Трипитака. — Не задевай никого.

— Знаю, знаю, — отвечал Чжу Ба-цзе. — После того как я вступил на путь Истины и стал монахом, я успел научиться кое-каким церемониям и теперь нечего равнять меня с каким-нибудь неотесанным деревенским парнем.

Воткнув за пояс вилы, Чжу Ба-цзе расправил на себе темную парчовую рясу, а потом чинно и благородно вошел в ворота. Здесь он увидел три больших, высоких здания; двери были закрыты высокими решетчатыми занавесками. Вокруг царила мертвая тишина, и ничто не говорило о присутствии людей. В домах не было ни столов, ни стульев, а также никакой утвари. Чжу Ба-цзе вошел в помещение и увидел коридор. Лестница в конце его вела в верхнее помещение; окна там были приоткрыты и на них висели плотные занавеси из желтого шелка.

«Наверное, там спит человек, который боится холода», — подумал Чжу Ба-цзе.

И, забыв о том, что существует обычай, по которому следует отличать внешние покои от внутренних, куда постороннему входить нельзя, наш герой смело пошел вверх. Но как только он раздвинул занавес, то от страха замер на месте. За пологом на кровати из слоновой кости лежал совершенно белый скелет. В объеме он был величиной всего с доу, а длиной около пяти чжанов. Немного придя в себя, Чжу Ба-цзе не мог сдержать слез, и они текли у него по щекам. Глядя на скелет, покачивая головой и вздыхая, он произнес:

Не знаю, кто ты:

Останки здесь какого полководца,

Какой династии, какой эпохи,

Какой страны, какого государства?

Здесь плач семьи над ним не раздастся.

Герой, лежишь ты нынче прахом бранным,

А раньше ты одерживал победы!

Кто из солдат твоих перед тобою

Теперь воскурит фимиам священный?

Вдруг Чжу Ба-цзе заметил, что за переходом в другой этаж в окне мерцает огонек.

«Очевидно, в том помещении находится человек, который прислуживает здесь и возжигает фимиам», — подумал Чжу Ба-цзе и быстро прошел через коридорчик. Осмотревшись, он увидел, что свет проникает через ставни окна в верхнем этаже. Через окно можно было рассмотреть блестящий лакированный стол, на котором в беспорядке была разбросана вышитая шелком парчовая одежда. Чжу Ба-цзе вошел, взял одежду в руки и увидел, что это три стеганых безрукавки.

Не обращая больше ни на что внимания, он взял эти вещи, спустился вниз и, выйдя из помещения, направился прямо к воротам.

— Учитель, — промолвил он, — здесь нет никого. Это обитель умерших. Я заходил в помещение, подымался наверх, и там за желтым шелковым пологом обнаружил останки человека. Затем я поднялся еще выше и нашел там вот эти стеганые безрукавки. Я взял их: они очень пригодятся нам в дороге, ведь уже наступили холода. Оденьте под свой легкий халат эту безрукавку и не будете мерзнуть.

— Нет, я не могу поступать подобным образом!—воскликнул Трипитака. — В законе сказано: «Взял ли ты чужую вещь открыто, или тайком: все равно — это воровство». Если о нашем поступке узнают власти, они пошлют за нами погоню и будут судить за воровство. Уж лучше отнести эти вещи туда, откуда ты их взял. Мы посидим здесь в укрытии, а когда вернется Сунь У-кун, двинемся дальше. Не к лицу монаху интересоваться такими пустяками.

— Да здесь кругом ни души, — запротестовал Чжу Ба-цзе. — О том, что мы взяли эти вещи, ни одна душа, кроме нас, знать не будет. Кто же донесет? Да и где, какое доказательство? Ведь это все равно, что мы нашли, так стоит ли рассуждать о том, как это взято: открыто или тайно.

— Ты мелешь вздор, — заявил Трипитака. — Всевышний завещал нам: «Когда совершаешь бесчестные поступки в тиши своего дома, то помни о том, что божественное око проникает всюду». Отнеси-ка ты лучше эти телогрейки на свое место и никогда не зарься на вещи, добытые нечестным путем.

Однако Чжу Ба-цзе не послушался Трипитаку.

— Учитель, — обратился он к нему с усмешкой. — После того как я превратился в человека, я носил не одну безрукавку, но такой, стеганой, мне носить еще не довелось. Раз вы не хотите надеть их на себя, попробую-ка я согреться хоть немного, а когда придет Сунь У-кун, отдам одну ему, и мы пойдем дальше.

— Ну, в таком случае и я надену, — заявил Ша-сэн.

Они сняли с себя свои рясы и облачились в безрукавки. Но не успели они завязать пояс, как почувствовали, что не могут стоять на ногах. Оказывается, эти самые безрукавки моментально, быстрее любых рук, туго скрутили их. Перепуганный Трипитака от негодования даже затопал ногами. Он бросился к своим ученикам, чтобы освободить их от пут, но разве в силах он был это сделать? Тут все трое затеяли такую перебранку, что потревожили злого духа.

А надо вам сказать, что все эти строения были не чем иным, как проделкой злого духа, который жил в этих местах и заманивал людей. В этот момент он как раз находился в пещере и, как только услышал крики и брань, поспешил выйти и увидел, что в ловушку к нему попало сразу несколько человек. Тогда он вызвал подвластных ему духов и одним жестом убрал все эти мнимые постройки. После этого духи схватили Трипитаку, захватили коня, вещи, а также связанных Чжу Ба-цзе и Ша-сэна и уволокли их в пещеру.

Здесь главный дух уселся на возвышении, а его слуги подвели Трипитаку и поставили его перед своим господином на колени.

— Ты откуда явился, монах? — грозно спросил дух. — Как вы посмели среди бела дня украсть мою одежду?

— Я — Танский монах и прибыл сюда из Китая, — со слезами на глазах отвечал Трипитака. — По повелению моего государя я следую в Индию за священными книгами. И вот, почувствовав голод, я послал своего старшего ученика за подаянием, но он до сих пор не вернулся. Мы же не послушали того, что он нам говорил, и, в поисках пристанища от ветра, нарушили покой вашей священной обители. Я никак не ожидал, что мои ученики проявят страсть к ничтожным вещам и возьмут их. У меня не было дурных намерений, и я велел им отнести эти вещи обратно. Однако они не послушали меня и решили надеть эти безрукавки, но неожиданно для себя попали в ваши руки, великий князь. А вместе с ними попался и я. Умоляю вас, явите милосердие и пощадите мою жизнь, хотя бы ради того, чтобы я отправился за священными книгами. Я никогда не забуду оказанной вами милости и по возвращении в Китай буду всегда прославлять вас.

— Я не раз слышал о том, — с улыбкой отвечал дух, — что у того, кто съест хоть один кусок мяса Танского монаха, седые волосы снова почернеют, а на месте выпавших зубов вырастут новые. На мое счастье вы явились сюда сами, без всякого приглашения. Как же вы можете надеяться, что я помилую вас! А как зовут вашего старшего ученика и куда он отправился за подаянием? — спросил дух.

На этот вопрос Чжу Ба-цзе с гордостью отвечал:

— Нашего старшего брата зовут Сунь У-кун, это тот самый Великий Мудрец, равный небу, который пятьсот лет тому назад учинил буйство в небесных чертогах.

Услышав имя Сунь У-куна, старый дух немного струсил, но ничего не сказал.

«Я давно уже слышал о том, что этот парень обладает огромной волшебной силой, — подумал он, — и вот теперь совершенно неожиданно придется очевидно с ним столкнуться».

— Ребята! — приказал он, — свяжите монаха. А с тех двоих снимите талисманы, свяжите обыкновенными веревками и отнесите в дальнее помещение. Как только я схвачу старшего ученика, мы заодно вымоем их, приготовим и устроим пир на славу.

Слуги бросились выполнять приказание и, связав троих пленников, утащили их в глубь пещеры. Коня они отвели в стойло, а вещи унесли во внутреннее помещение. После этого они принялись точить свое оружие, готовясь к охоте на Сунь У-куна. Однако это уже к делу не относится.

Вернемся теперь к Сунь У-куну. В южной деревне он наполнил чашку рисом и, как мы уже говорили, оседлав облако, пустился в обратный путь. Достигнув того места на склоне горы, где они остановились, он спустился на облаке вниз, однако никаких следов Танского монаха не обнаружил и совершенно не мог понять, куда тот девался. Круг, начерченный им, оставался на прежнем месте, но внутри никого не было. Сунь У-кун огляделся, затем посмотрел туда, где они видели строения, но и там, кроме каких-то необыкновенных огромных камней, ничего не увидел.

«Ну, все ясно, — с тревогой в сердце подумал Сунь У-кун. — Они попали к злым духам».

Выйдя на дорогу, он внимательно рассмотрел, куда ведут следы коня, и помчался прямо на Запад. Пройдя около шести ли и уже потеряв всякую надежду найти своих товарищей, он вдруг услышал человеческую речь, доносившуюся с северного склона холма. Поглядев туда, он увидел какого-то старца, тело которого прикрывала войлочная одежда. На голове его была теплая шапка, на ногах — промасленные сапоги, в руках — посох с ручкой, изображавшей голову дракона. За старцем следовал молодой паренек, который держал в руках ветку воскового дерева и, спускаясь с горы, что-то напевал. Поставив чашку с едой на землю, Сунь У-кун поклонился старику и обратился к нему с такими словами:

— Разрешите задать вам вопрос, почтенный старец!

— Откуда вы пришли сюда, почтенный монах? — в свою очередь спросил старик, отвечая на приветствие.

— Я прибыл из Китая и вместе со своим учителем и двумя братьями следовал в Индию поклониться Будде и взять у него священные книги. В пути учитель проголодался, и я отправился за подающим, оставив своих спутников на склоне холма. Я велел им непременно дожидаться меня там. Но когда вернулся, не нашел ни одного из них и представить себе не могу, куда они исчезли. Вот я и хотел спросить вас, почтенный дедушка, не видели ли вы случайно их?

Выслушав его, старик, холодно улыбаясь, спросил:

— А нет ли среди твоих приятелей одного с длинной мордой и большими ушами?

— Есть, есть, — быстро подтвердил Сунь У-кун.

— Второй, с угрюмым лицом, вел под уздцы белого коня, на котором восседал толстый белолицый монах.

— Вот, вот, — обрадовался Сунь У-кун.

— Так вот, что я скажу тебе, вы сбились с пути. И незачем тебе искать их. Заботься теперь о самом себе.

— Да ведь белолицый монах — это и есть мой учитель! — воскликнул Сунь У-кун. — А остальные двое, у которых не совсем обычный вид, мои братья. Мы все преисполнены горячим стремлением дойти до Индии и получить там священные книги. Как же я могу не разыскивать их?

— Я только что проходил здесь, — сказал старик, — и видел, как они сбились с дороги и попали прямо в лапы злому духу.

— Почтенный старец, — продолжал Сунь У-кун, — будьте милостивы, скажите мне о каком злом духе вы говорите, где он живет: тогда я смогу пойти к нему — освободить своих товарищей, и мы все вместе будем продолжать наш путь на Запад. — Эта гора, — сказал старик, — называется горой Золотого носорога, в горе есть пещера, которая также называется пещерой Золотого носорога. В пещере живет сам князь Носорог. Этот злой дух обладает огромной волшебной силой и очень искусен в военном деле. Твоих спутников уже нет в живых. И если ты пойдешь разыскивать их, то боюсь, что сам попадешь в беду. Я, конечно, не смею ни уговаривать тебя, ни задерживать, но думаю, что тебе лучше было бы не ходить туда. Обдумай все хорошенько.

— Спасибо за ваши наставления, почтенный старец, — поблагодарил его Сунь У-кун, — но разве могу я не разыскивать моих товарищей?!

Он взял у старца пустую чашку, переложил туда кашу и отдал ему. Старик положил свой посох, взял чашку и передал ее пареньку. Затем, приняв свой настоящий вид духовхранителей, они стали отбивать земные поклоны.

— Великий Мудрец, — сказал старик, — я не могу больше обманывать вас. Мы — духи земли и гор и ждали здесь вашего прихода. Эту чашку с едой мы возьмем для того, чтобы она не мешала вам проявлять свое волшебство. А когда вы освободите Танского монаха из беды, мы преподнесем эту чашку ему, пусть он узнает о том, как вы уважаете и почитаете его.

— Ах вы мерзкие духи, бить вас некому! — крикнул Сунь У-кун. — Почему вы раньше не вышли

встречать меня? Да к тому же вздумали еще играть со мной в прятки. Что все это значит?

— Великий Мудрец, у вас очень горячий характер, — промолвил дух земли. — Поэтому мы и не посмели сказать обо всем прямо, боясь навлечь на себя ваш гнев, а решили сообщить вам намеками.

— Ну, так помните, я вас еще поколочу! — сказал, успокаиваясь, Сунь У-кун. — Смотрите, чтобы чашка была в полной сохранности! Ждите меня здесь, пока я расправлюсь с чудовищем!

Духи выполнили его приказ, а Великий Мудрец, натянув на себя сделанный из шкуры тигра плащ и туго завязав пояс из тигровых жил, с железным посохом в руках, устремился на гору, чтобы отыскать пещеру князя Носорога. Обходя гору, он увидел перед собой груды камней, а над зеленым утесом заметил каменные двери, которые охраняли духи. Их было очень много, и все они размахивали копьями и мечами. О, что за зрелище представилось глазам Сунь У-куна:

Как яшма, дымно стыннут облака,

И мох зеленый покрывает скалы,

Встают утесы каменной грядой:

Дорога вьется через перевалы. Пернатых крики. Визги обезьян...

Луань и феникс пляшут прихотливо.

Под солнцем вдруг зазеленел бамбук,

Пригрета солнцем, распустилась слива.

Но что там под утесами сейчас

И что в потоках, мчащихся в теснинах?

В тени утесов снег лежит горой,

Вода потоков — вся в тяжелых льдинах.

В двух рощах сосны с кедрами встают,

В своей красе, извечно горделивой, —

На склонах чая горного кусты

Краснеют одинаково красиво.

Долго не мог налюбоваться Великий Мудрец горными видами. Но наконец он оторвался от этой великолепной картины и быстро направился ко входу в пещеру.

— Эй вы, бесы! — громко крикнул он. — Бегите скорее к своему хозяину, если вам дорога

жизнь, и доложите, что сюда прибыл ученик святейшего Танского монаха — Великий Мудрец, равный небу, — Сунь У-кун. Скажите ему, чтобы он немедленно освободил моего учителя!

Духи опрометью бросились в пещеру.

— Великий дух, — промолвили они, — к пещере подошел какой-то монах. Он весь оброс волосами, морда у него крючком. Он назвал себя Великим Мудрецом, равным небу, — Сунь У-куном, и требует, чтобы ему выдали Танского монаха.

— Вот и хорошо, что он явился сюда, — выслушав их, сказал дух, обрадовавшись. — С тех пор как я спустился из своих небесных чертогов на землю, мне еще ни разу не приходилось драться; а он вполне достойный противник для меня.

И он приказал своим слугам подать ему оружие. Слуги бросились выполнять его приказ и быстро притащили огромное стальное копье длиной в два чжана.

— Ну, вот что, ребята! — обратился к ним дух. — Выстраивайтесь и следуйте за мной! Тот, кто выступит в первых рядах, — будет награжден. Тех же, кто попытается отступить, — я казню.

Подчиненные последовали за ним и вышли из пещеры.

— Кто здесь Сунь У-кун? — заорал дух.

Сунь У-кун выскочил откуда-то со стороны и посмотрел на духа. Что за безобразный вид был у этого чудовища!

Единственный рог был изогнут,

Поблескивал яростный взор

И лоснились черные уши,

Вставал на макушке бугор.

Из пасти, раскрытой широко,

Болтался, свисая, язык,

И зверь языком своим длинным

Облизывать морду привык.

Из гнусной разинутой пасти,

Желтея, торчали клыки,

А шкура была темно-синей,
Как сталь, были мышцы крепки.
Не тот носорог он, чья кожа
Блестящей и темной была,
Такой, что в реке полуночной
Свой цвет отразить не могла.
Серпа золотого на небе
Для облачной жатвы не брал,
И буйволу не был подобен,
Который в упряжке пахал.
Не мог он распахивать поле,
Как буйвол, при свете луны,
Но были великие силы
Ему для обманов даны.
Он мог бы обманывать небо.
Земли потрясал он покой,
Стальное копье подымал он
Костлявою синей рукой.
Тому, кто увидит воочью
И облик ужасный и рог,
Возможно узнать, что название
Чудовищу — князь Носорог.

— Твой почтенный дед — Сунь У-кун здесь, — сказал Сунь У-кун, выступив вперед. — Сейчас же освободи моего учителя тогда никто из вас не пострадает. Если же ты вздумаешь послушаться, то я расправлюсь с тобой так, что и костей твоих не соберут.

— Ах ты наглая, дерзкая обезьяна! — крикнул разгневанный дух. — Да как ты смеешь так разговаривать со мной! Какой вред можешь ты мне причинить?!

— Ты — мерзкое чудовище! — заорал в свою очередь Сунь У-кун. — Ты еще не знаешь, на что я

способен!

— Твой учитель украл у меня одежду! — продолжал кричать дух: — И я поймал его на месте преступления. За это я поджарю его и съем. А ты что за герой, как смел явиться сюда и требовать, чтобы я его освободил?

— Мой учитель — монах необычайной честности и добродетели, — сказал на это Сунь У-кун. — Как же ты можешь обвинять его в том, что он украл вещи у такой нечисти, как ты?

— На горной дороге я создал видимость селения, а твой учитель проник туда и, обуреваемый духом стяжательства, вместе со своими учениками украл у меня три безрукавки, которые они тут же надели. Я поймал их на месте преступления. Но раз ты говоришь, что обладаешь какими-то способностями, давай померяемся силами. Если в течение трех схваток удастся одолеть меня, я сохраню жизнь твоему учителю. Ну, а в противном случае отправлю и тебя в царство мрака.

— Низкое ты чудовище! — с усмешкой отвечал Сунь У-кун. — Не следовало бы тебе лезть на рожон. Но раз ты сам этого желаешь, мне остается только радоваться. Выходи-ка поскорее и отведай моего посоха!

Но разве мог он уstrasшить духа! Тот смело выступил вперед и, подняв свою стальную пику, ринулся на противника. И тут между ними разгорелся отчаянный бой.

С высоты обрушивал удары

Посох в золоченых ободках,

Длинное копье в бою встречало

Посоха летящего размах.

Посох с золотыми ободками

Молнии подобился в бою,

С блеском ослепительным разящей

Золотую злобную змею.

А копье подобилось дракону,

Выходящему из черных вод;

Громко духи били в барабаны,

И рядами охраняли вход.

Выстроились в боевых порядках...

Что за сила грозная была!
Проявлял Мудрец Великий доблесть.
Совершал геройские дела.
Но и демон бился беспримерно,
Направляя длинное копье.
А Мудрец показывал в сраженьё
Дарованье чудное свое.
Утверждать поистине возможно,
Что с героем встретился герой:
Первый выдыхал и дым и пламя,
Радугою ослеплял второй.
Встречей двух противников достойных
Оказался смертный этот бой:
Только из-за Танского монаха
Спорили они между собой.

Уже раз тридцать схватывались противники друг с другом, однако так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Дух, видя, что Сунь У-кун действует своим посохом по всем правилам военного искусства и даже близко не подпускает к себе, не удержался, чтобы не высказать своего одобрения противнику.

— Вот молодец обезьянка! — крикнул он. — Теперь понятно, что благодаря своим способностям ты мог нарушить покой даже в небесных чертогах.

Сунь У-куну тоже понравилось, как ловко орудует противник своим копьем, легко отражая удары.

— Молодчина дух! — крикнул в свою очередь Сунь У-кун. Теперь я вижу, что ты и есть тот дух, который выкрал пиллюлю бессмертия.

Они сходились друг с другом не менее ста двадцати раз, как вдруг дух воткнул свое копье в землю и призвал на помощь своих подчиненных. По его приказу вся эта свора нечисти с мечами и копьями ринулась вперед и окружила Великого Мудреца. Однако Сунь У-кун ни капельки не испугался.

— Давай, давай! — крикнул он. — Этого только я и ждал!

И он ринулся им навстречу со своим посохом. Отбивая удары с одной стороны, он сам наносил их с другой. Однако духи не отступали. Тут Сунь У-кун рассвирепел. Подбросив свой посох в воздух, он крикнул:

— Изменись!

И в тот же миг посох превратился в тысячи других посохов, которые заполнили весь воздух и, словно тысячи змей, полетели вниз. Это повергло всех духов в ужас: съежившись от страха, они ринулись в пещеру, спасая свою жизнь.

— Не следует тебе, обезьяна, вести себя столь невежливо, — язвительно хихикая, сказал дух. — Посмотри же теперь, на что я способен!

С этими словами он поспешно вынул из рукава блестящий белый круг и, бросив его вверх, приказал: «Изменись!» Круг с шумом полетел вниз и, схватив посох с золотыми обручами, утащил его прочь. Лишившись оружия, Сунь У-кун перекувыркнулся и, спасая свою жизнь, побежал прочь.

А дух, одержав победу, вернулся в пещеру.

Сунь У-кун не знал, что делать.

Однако чем кончилась вся эта история, вы можете узнать из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287660>